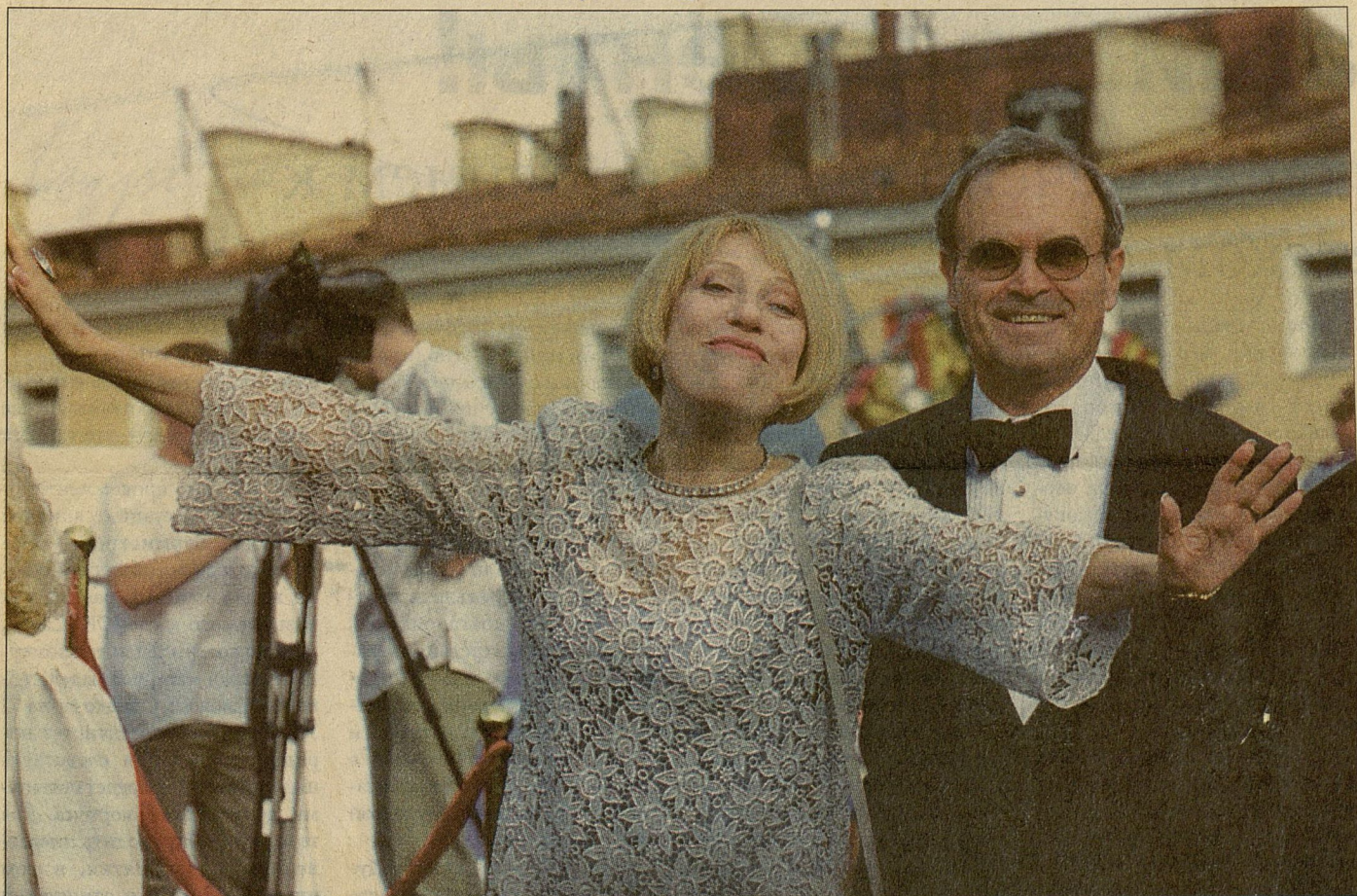

«Терпеть не могу юбилейных интервью!». Инна Чурикова со своим Пигмалионом – Глебом Панфиловым.

Фото Артема Житенева (НГ-фото)

А все началось с Бабы-Яги...

Инна Чурикова отметила юбилей

Екатерина Барабаш

Когда она пришла поступать в театральный, ей первым делом сказали: «Барышня, вы бы в зеркало посмотрелись, давно, поди, не заглядывали». Абитуриентка пожалала плечами. Почему же, заглядывала, и что? Ну не Наталья Гончарова, так что ж теперь, в театральный только «нефертитей» берут? Ерунда какая-то.

Но Чурикову в Щепкинское училище все же взяли. Отучилась вполне успешно, и началась привычная многим и многим актерам карьера. Молодую актрису определили в Московский ТЮЗ, где она самозабвенно отдавалась образам Бабы-Яги, лисицы, свиньи. Играла своих хрюшек, что называется, на грани возможного. Потому что искренно и свято верила: иначе нельзя, если ты актер с большой буквы, то и свинья у тебя должна быть с большой буквы тоже. Иначе Театр рано или поздно рухнет.

Однажды какое-то высокое культурное начальство, побывав на тюзовском спектакле, возмутилось: «У вас Чурикова слишком эротична для ТЮЗа. Сюда все-таки, знаете ли, дети приходят». Уж какие флюиды исходили от ее личиц и свинок, сказать трудно. Но Чуриковой велели слегка умерить темперамент. Кто знает, сколько еще пришлось бы ей иг-

рать фригидных животных, если бы, как *deus ex machina*, не явился Глеб Панфилов, тогда еще никому не известный режиссер, и не разглядел под свиной шкуркой уже начавшей одуревать актрисы нетронутые бездны таланта. И он сделал на нее ставку. Привел за руку в Госкино и сказал: «Вот она будет играть главную роль в моем фильме «В огне брода нет». – «Нет, нет», – эхом отозвались чиновники. Но молодой Панфилов не зря носил героическую фамилию. «Что надо – я знаю сам», – объявил он. И после неимоверно долгих мытарств, отказов, оскорблений молодая Инна Чурикова была утверждена на первую в своей жизни главную роль – Тани Теткиной в картине «В огне брода нет». Это был ее звездный час. Звездный час длиною в жизнь.

Потом было «Начало», второй звездный час, где затейливым образом переплелись судьбы рабочей девушки Паши Строгановой и героической Жанны Д'Арк. А после «Начала» случилось то, что должно было случиться, если верить в мистическую силу искусства, – Чурикова почти повторила судьбу Паши Строгановой. Уже почти вознеслась после этой картины в ряды небожителей от кино, Чурикова испытала на собственной шкуре, что такое невестрованность. Поразительные штуки выкидывает иногда ис-

кусство, сговорившись с судьбой. И снимать ее не хотели, и не сумели они с Панфиловым (уже тогда муж и жена) пробить фильм про безумную Орлеанскую валькирию, которую сама же Чурикова и должна была играть.

Про Чурикову можно говорить бесконечно, вспоминая ее роли в кино и в театре (не тюзовских хрюшек, разумеется, а серьезные роли в «Тиле», «Варваре и еретике», «Городе миллионеров», «Гамлете» и др.). Но, наверное, главное в ней то, что более парадоксальной актрисы в нашем кино и театре не найти. Она ничтоже сумняшеся опрокидывает наши представления о знакомых с детства образах, об актерском амплуа, о внешности, о системе Станиславского и вообще обо всех системах, о которых она, как иногда кажется, попросту не подозревает. Кто в детстве не зачитывался «Тилем Уленшпигелем», кто не помнит любящую, нежную и сильную Неле – цветок, олицетворение любви? Признайтесь, кто представлял ее себе в обличье Чуриковой? Впрочем, разговоры о нестандартной внешности ушли в такое далекое прошлое...

Говорят, она иногда бывает капризна. Почему бы и нет? Между прочим, не к каждому подползал за кулисами перед спектаклем на коленях Марк Захаров, чтобы прошептать «Царица...» и тихо

отползти. Так и тянет за язык сказать, что это высшая похвала. Из уст режиссера – возможно. Хотя и не самая, думается, необходимая. Чего-чего, а царственности у Чуриковой хватает. К ней бы чуть-чуть былой нежности, что после «Вассы» ушла, кажется, насовсем. Впрочем, нежных особ у нас много, а царственных всегда недобор.

Кажется, не она карабкалась к вершинам славы и признания, а киношно-театральный Олимп сам словно пригнулся ей навстречу и водрузил ее на свою вершину. Так мало суетности, так мало видимого желания обогнать, обскакать. И обитатели Олимпа давно уже привыкли, что есть просто обитатели, а есть Чурикова. И только одному Олимпу ведомо, с каким невидимым и невиданным трудом шла она к этому шепоту за кулисами: «Царица».

«Терпеть не могу всех этих юбилейных интервью», – сказала Чурикова на просьбу побеседовать для газеты. – Вот сейчас все пройдет, все эти дурацкие нули отпадут, и мы обязательно встретимся». – «Так нули уже куда не денутся, Инна Михайловна». – «Да? И то правда, нулей-то меньше уже не станет». Она как будто расстроилась. Так расстраиваются дети, когда, идя первый раз в первый класс, не задумываются, что это почти навсегда. А все говорят – царица, царица...